

Предыдущий фильм Лилианы Кавани «Франциск» с участием Микки Рурка, вышел пять лет назад, в 1989 году. С тех пор о знаменитой постановщице «Ночного портье», «Кожи» и «Над добром и злом» ничего не было слышно.

Ее новый фильм «Где ты? Я здесь» прошел в Италии почти незаметно. В прошлом месяце состоялась его премьера во Франции, и парижская газета «Монд» опубликовала рецензию и небольшое интервью с постановщицей, которые мы и публикуем на страницах «ЭС».

Лилиана КАВАНИ:

«Где ты? Я здесь!»

Экран и сцена — 1994. — 2-й номер (vol) — с. 13

Образы и звук. Это могло бы стать минималистским определением кинематографа, по крайней мере, с того дня, когда он перестал быть Великим Немым. Для героев фильма «Где ты? Я здесь» Лилианы Кавани звуки трансформируются в образы: когда глухой парень по имени Фаусто с помощью компьютера превращает музыку в световые импульсы. В детстве его глухота стала причиной конфликта между матерью, которая не хотела, чтобы мальчик замыкался в знаковом языке, и теткой, которая помогла ему проникнуться музыкой. Сцена этого «открытия» — одна из самых прекрасных в фильме, она поставлена с удивительной простотой, сдержанностью и даже строгостью, каких до сих пор в кинематографе Кавани не было.

Фильм — портрет двух глухих, Фаусто (Газзано Каротенуто) и Елены (Кьяра Хазелли). Фаусто — из богатой семьи, принадлежащей к высшим кругам римской аристократии, Елена — из простой. Встреча с ней для молодого человека — начало примирения со своей непохожестью на остальных и осознания этого различия, которое так яростно пытается нивелировать его мать. Она настаивает, чтобы Фаусто встречался с «нормальной» девушкой. Так же, в детстве, она запрещала ему играть с глухими детьми, чтобы у него не дай Бог не возникло ощущения, что он не такой, как все.

Для Елены встреча с Фаусто — катализатор, подстегивающий ее в стремлении учиться в колледже для обычных студентов. Итальянские законы предусматривают право глухих получать нужное образование в специализированных учебных заведениях, но у Мини-

стерства образования не хватает на это средств, поэтому зачастую глухим приходится адаптироваться к традиционным методам преподавания.

Елена должна учиться читать по губам преподавателя и декламировать поэму на латинском языке; сцена где ей не удается контролировать свой голос, удивительно точно соотносится с эпизодом, в котором она благодаря языку знаков учит слова, которых не слышит и никогда не услышит. Пронзительность этого фрагмента возрастает из-за того, что этих слов, по сути, не «слышат» и ее

ных словах и жестах, которые превосходят своим смыслом первоначальное значение, сможет помочь нам по-новому взглянуть на возможности и пути развития кино?

— Лилиан, почему вы так долго не снимали?

— У меня не было контакта ни с другими, ни с самой собой. Я чувствовала, что должна найти новый язык, новую форму общения. А потом совершенно случайно попала на спектакль глухонемых и испытала сильнейший шок. Так возникла идея снять «Где ты? Я здесь». Рассказывая эту историю, я говорила по сути о себе самой.

— Наверное, многих отпугнула сама тема?

— Да, нужно понять, что это не фильм «про глухих», хотя именно они стали его героями. Это произведение о языке общения. Конечно, можно было бы снять документальный фильм, но мне хотелось рассказать трогательную историю, в которой привычные и многократно испробованные на экране коллизии сюжета обретают новые смысловые аспекты, благодаря неожиданным героям.

— Ваш новый фильм кажется очень простым в изобразительном отношении. Это случилось из-за недостатка средств, или такова была идея?

— Сейчас в Италии нарастает



сокурсники, ведь латинский — мертвый язык. Но для девушки понятие мертвого языка лишено смысла, любой язык для нее может ожить только в поэзии, благодаря знакам и фантазии.

А для его Фаусто фантазия выливается в пластический спектакль, в котором жест передает слова и звуки.

Превалирование немых образов в стилистике фильма могло бы стать слишком давящим, но постановщице удалось плавно и скользко переходить от одного персонажа к другому, не нарушая текущего стиля, удивительно светлого и скромного. Может быть, эта история о произнесении

— Съемки были трудными?

— В плане организационных трудностей — все как обычно. Пожалуй, даже легче, чем раньше. Действие происходит в Риме, актеры не очень знаменитые, значит, денег нужно было немного. Гораздо труднее пришлось с прокатом. В Италии лента вышла прошлой осенью, когда по всем экранам шествовали динозавры Спилберга. В Риме 51 кинотеатр, из них в сорока одном идут американские фильмы. Фирма, прокатывавшая нашу картину, не могла организовать большую рекламную кампанию, это дорого стоит, поэтому фильм шел в прокате всего две недели.

тенденция минималистского кино. Я не умею делать такие фильмы. Не могу фиксировать обыденное. Например, персонаж, который каждое утро идет на работу, каждый вечер возвращается домой. Можно представить самые различные фильмы, начинающиеся с такой заставки, но для меня этот персонаж становится интересным только в тот момент, когда однажды вечером он не возвращается домой. Вот тогда мне хочется раскручивать его историю дальше. Вы считаете, что наш фильм очень прост визуально? Поверьте, такая простота — самое сложное для автора.

— Каким вы видите будущее европейского кино?

— Пытаться экономически сопротивляться вторжению американского кино — бесполезно. Сейчас только от нас зависит, что будут смотреть триста миллионов европейских зрителей. Если удастся справиться с бюрократическими препятствиями и построить европейский кинематограф без границ и барьеров, может быть, мы и выпутаемся из нынешней ситуации.

— У вас есть текущие планы в кино, или вы собираетесь работать в театре?

— Давно мечтала снять фильм о Моцарте. Сейчас намечается проект фильма о его отношениях с сестрой Леопольдиной.

— И на каком же языке будут говорить герои?

— На самом деле это почти не имеет значения. Мы же читаем книги великих в переводе.

Беседу вел
Паскаль МЕРИГО.

ПАРИЖ.